

НЕРЖАВЕЮЩЕЕ ОРУЖИЕ

Суть и задача сатиры — утверждение через нравственное очищение общества. Конечно, не всегда приятное для носителей различных пороков, но всегда действенное и острое.

Вспоминается такой случай: я пришел в стоматологическую поликлинику и увидел на стене устрашающие плакаты. На них были изображены развороченные челюсти, вырванные зубы, волосатая рука хирурга, тянущаяся к бормашине. Игрозные надписи.

А в другой раз вместо пугающих плакатов на той же стенке были помещены изображения белозубых красавиц, стройных спортсменов, играющих могучими мускулами. Здесь же — стихи, воспевающие людей, заботящихся о своих зубах. Все это очень умилительно. Но... не производило никакого впечатления, а лишь вызвало снисходительную улыбку. Тогда как развороченные челюсти меня, помнится, так напугали, что я покорно, хотя и с опаской, сел в зубо-врачебное кресло.

Почему я это вспомнил? Потому что, как мне кажется, примерно это же происходит и со мной, когда я выхожу на сцену Театра сатиры. Мы с этой поликлиникой занимаемся очень похожим делом: устраним то, что болит. Важно лишь выбрать точное решение. Быть может, не все наши стрелы попадают в цель.

«Сатира — такое зеркало, в котором зритель видит любое лицо, кроме собственного», вспоминаются мне слова Швифа. Действительно, никто не хочет признаваться в своих недостатках, а желает себя представить в выгодном для себя свете. Одно время я был народным заседателем в суде. Это очень много дало для моей актерской практики. На заседаниях я не видел ни одного обвиняемого, который не пытался бы предстать перед нами в самом наилучшем виде: доставал блистательные характеристики с работы, рассказывал о том, какой он хороший. А выяснялось, что это крупный взяточник или правонарушитель.

Надо всегда помнить, когда приступаешь к работе над отрицательным персонажем, что время «оголтелого» гротеска в изображении отрицательных явлений прошло. Такой метод сценического изображения устарел. Я пе-

реиграл всяких мерзавцев — взяточников, казнокрадов, стяжателей — великое множество. Мой личный опыт и опыт сатирического театра доказывают, что актер должен работать, как мне кажется, с позиции субъективной правды отрицательного персонажа, то есть представить себе, что его «герой» всегда постарается выглядеть как можно более привлекательно. Именно так, как там, на суде. Только в том случае, если актер работает по этой формуле, в его исполнении получается не схема, а человек. Какого бы плана ни был театр, в основе всегда должен быть живой человеческий характер, непременно узнаваемый.

Вот недавно я в Театре имени Моссовета смотрел «Печку на колесе» Н. Семенов. Меня совершенно потрясла работа Теняковой. Было такое ощущение, будто я хорошо знаю эту женщину, ее героиню колхозницу Фросю. Это очень важно, когда зритель начинает узнавать персонаж. Образ должен быть наполнен жизнью человеческого духа. Это прежде всего.

Какая сатира важна сегодня? Прежде всего крупномасштабная, бичующая отрицательные социальные явления, выводящая на сцену носителей зла. В этом отношении самым крупным мастером сатиры мне представляется Владимир Маяковский, 90-летие со дня рождения которого мы скоро будем отмечать. Наш театр, я считаю, совершил творческий подвиг, воссоздав на протяжении ряда лет его сценическую трилогию — «Баню», «Клопа», «Мистерио-буфф».

В 1953 году мы поставили «Баню». Я играл Победоносикова. Ставили этот спектакль В. Плучек, С. Юткевич и Н. Петров. Мой герой — бюрократ того времени: слоноподобный, негибкий, он давит своим авторитетом, силой руководящего жеста, интонациями, не допускающими возражений, безапелляционностью суждений. Про него Бельведонский говорит: «Вас нужно каменным углем рисовать». Потом, спустя годы, Плучек сделал второе сценическое прочтение «Бани», где я также играл «Главначупса». Но к тому времени образ моего персонажа изменился: он по-прежнему оставался «бюрократическим», но

форма проявления отрицательных черт у него стала совершенно иной. Он был как бы на «новом витке». И я старался изображать его несколько иначе: не столь громогласным, грубым и безапелляционным, как его сценический предшественник: он говорил сладким голосом, улыбался. Но все это — лишь маска, по существу он все тот же.

Г. МЕНГЛЕТ,

народный артист СССР

А разве не так обстоит дело и с «героями» наших дней? Конечно, антиподам нашей морали становится жить труднее, чем это было в дни моей юности. Ему приходится менять обличье. Такой человек и обаятелен, он, что называется, «свой парень», одет в ту же «водолазку», что и другие, но по сути он все тот же. Это очень важно в искусстве сатирического театра — знать, в какую эпоху, в какие годы ты творишь. И сердцем воспринимать, к чему нас призывает партия.

Вот и сейчас, когда партией во главу угла ставится вопрос укрепления трудовой дисциплины, я понимаю, что речь идет о подлинной, творческой дисциплине, а не просто о формальном исполнении своих обязанностей. Нужно отдать работе душу, и тогда не будет нарушений трудовой дисциплины. Не случайно в речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Ю. В. Андропова на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС (1982 г.) говорилось, что следует решительнее вести борьбу против любых нарушений партийной, государственной и трудовой дисциплины. Разговор идет не только об опозданиях, прогулах, пьянстве. С этим все ясно: подобные явления абсолютно нетерпимы в социалистическом обществе. Но ведь бывает и так: внешне как будто все нормально, люди сидят на рабочих местах «от» и «до», с дисциплиной вроде бы все в порядке. Но... никакой отдачи нет, люди лишь «отсиживают» положенное время. Вот где пригодно перо драматурга-сатирика.

А если человек буквально «живет» в своем трудовом коллективе, относится к труду, как бы скромно он ни был, как к творчеству, это и есть подлинно комму-

нистический труд на благо Отчизны. И именно в этом состоит смысл Закона о трудовых коллективах, который принят нашим верховным законодательным органом после всенародного обсуждения. Ибо это касается каждого из нас.

Или вот о мещанстве. Какое емкое и живучее понятие! Сейчас оно рядится в различные одежды. Превращает, например, казалось бы, такое благородное дело, как увлечение книгой, в оголтелое накопительство. Книжки абсолютно «неприкасаемы», никем не читаются, никому не приносят духовной радости, зато отлично «вписываются в интерьер»... Вещизм, бездуховность! Но как они замаскированы! Конечно, времена меняются. И надо суметь распознать пошлость и мещанство: даже рядясь в современные одежды и будучи прекрасно замаскированными, они, по сути, остаются сами собой.

И вот тут невольно задумаешься о современной драматургии, и, в частности, сатирической. Я актер и не собираюсь давать советы писателям, как они должны писать свои пьесы, что подвергать осмеянию. Но наши профессии — драматурга-сатирика и актера сатирического театра — роднит общее: мы должны не только видеть отрицательное в жизни, но и увидеть, не только слышать, но и услышать. И каждый своими выразительными средствами это плохое разоблачить.

Я вовсе не считаю, что сейчас нет интересных пьес, в том числе и комедий. Это, по-моему, неверно. Я видел и читал пьесы В. Арро, С. Злотникова, А. Галина, А. Казанцева. У них собственный взгляд на современную жизнь — как бы «свежими очами». И бесспорное чувство юмора. Мы рады приходу молодых. Виктор Славкин, например, дорабатывает для нашего театра новую пьесу «Место для курения».

Принята нами к постановке пьеса Андрея Смирнова «Родненькие мои» — очень острая, удивительно узнаваемая. В ней развенчиваются нравы современных обывателей. Мещанство предстает здесь в новом ракурсе. Ставит спектакль В. Плучек. Подобные пьесы всегда неожиданны, словно страницы неизвестной книги.

Чего мы ждем вообще от молодой драматургии? Преж-

де всего чтобы в новых пьесах клокотала живая жизнь. Надо разглядеть и взять под сатирический прицел все то отвратительное, что рядится в современные одежды, но от этого не становится менее гадким.

А мы еще подчас очень снисходительны к тому, что нужно беспощадно изобличать. «Он хороший человек, только равнодушный», — подчас говорим мы. А ведь равнодушие — страшная вещь. Терпимого отношения к нему не должно быть!

Что такое театр? Трибуна, зрелище, университет, школа, ликбез? Не знаю! Но «старик театр» нужен, если на его знамени начертано: партийность, совесть, гражданственность, социальная правда.

Сила искусства огромна. Помню, я руководил фронтовым театром в войсках маршала К. К. Рокоссовского на Первом Белорусском фронте. Мы давали концерты для бойцов. Однажды нам предложили выступить перед тяжелоланенными. Нас сопровождал майор. Мы вошли в большой полуразбомбленный сарай. Раздавались стоны. Казалось, кошунством было выступать. Но командование настояло. И, к нашему удивлению, через несколько минут стоны стали стихать, на бледных лицах появилось подобие улыбок. А когда концерт закончился, люди спешкились от боли губами шептали: «Спасибо!». И врачи сказали: «Вы сделали то, чего не могли сделать никакие медикаменты! Великая сила — искусство!».

Да, искусство советского театра — великая сила! И сейчас, в ответственный момент, когда на весах истории оказался вопрос быть или не быть нашей голубой планете, когда западные милитаристы своим бряньем сверхсовременным оружием поставили на карту само существование жизни, его роль еще более значительна.

У меня и моих товарищей по искусству тоже есть оружие — мирное, но очень сильное — оружие сатиры. И мы им должны воспользоваться для того, чтобы отстоять и утвердить принципы нашей коммунистической морали — чистоту и честность наших жизненных позиций, патриотизм, интернационализм, пробудить ненависть ко всему, что нам мешает идти вперед, — лжи, разгильдяйству, беспринципности.